

СВЕТОПИСЬ КРИВЦОВА

В ГОСТЯХ У «ДВ» - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РУССКИЙ ФОТОХУДОЖНИК ПАВЕЛ КРИВЦОВ

Своим богатырским размером и холщевым переплетом этот альбом напоминает летописный свод. «Русский человек. Век XX» - так называется летопись, созданная фотохудожником Павлом Кривцовым за сорок лет работы.

Более трехсот фотографий. Будни, праздники, скорби. Шахтеры и философы, учителя и солдаты, фронтовики и дети, крестьяне и монахи. В книге соседствуют великий композитор Георгий Свиридов и сельский почтальон Олег Ларионов, историк Лев Гумилев и бригадир Валерий Панов, жалезник Марк Сычев и хранитель пушкинских мест Семен Гейченко, плотник Иван Фролов и народный артист Игорь Ильинский, писатель Евгений Носов и колледжных дел мастер Николай Юдаков...

Мгновенья жизни на этих снимках не остановлены намертво, они бережно взяты на ладонь и поднесены к нашим глазам. И кажется, что ты стоишь в родной избе и с деревянной рамки на стене смотришь на тебя с любовью родные люди. Раньше о фотографии говорили - «светопись». И сейчас я не могу не вспомнить об этом...

Об этой книге и о русской жизни мы беседуем с Павлом Павловичем КРИВЦОВЫМ.

- Проснулся как-то ночью и подумал: а что если сделать такую фотокнигу. Собрать воедино все, что я понял о русском человеке. Но тут же оторопел, испугался этим мыслям: замахнулся-то как! Постепенно привыкать стал, подбирать снимки. Мне захотелось обратиться к людям: а кто мы? какие мы? для чего живем? что с нами происходит? Напомнить о глубинной нашей принадлежности друг другу.

- Листаю вашу книгу, и постепенно начинает казаться, что держу в руках домашний альбом. Люди так смотрят с фотографий... Ну будто давно мы не встречались и вот свиделись.

- Так и есть. Вся книга построена на встречах. Благодарен за них своей профессии, тем редакциям, где я работал. Иногда это были совсем недолгие, почти мгновенные встречи, но случайных не было.

- К некоторым снимкам невольно возвращаюсь и возвращаюсь. Вот гляжу на портрет Валерия Павловича Гончаренко, на его по-мальчишески задорное лицо, и радуюсь - сам не знаю отчего.

- Валера - мой одноклассник. Мы с ним дружили с восьмого класса, с тех пор, как я после сельской школы попал в Белгород, в интернат, где учились дети железнодорожников. У меня дядя был помощником машиниста. А Валеркин дом стоял рядом, я к нему прибегал. Удивительно талантливого парня, схватывал все на лету. Выучился на инженера, придумал такие революционные технологии на своем заводе, что стал лауреатом Государственной премии. Увы, его уже нет в живых.

- Но здесь, на снимке, встреча длится и длится...

- Я почти полвека с фотоаппаратом, но для меня фотография остается тайной. Совсем как в тот день, когда я прибежал к маме и с порога попросил: «Давай куми фотоаппарат!» Мы откладывали деньги на настоящую тулку - одноствольное ружье. Я же мечтал быть геологом, охотником, начался Арсеньев... Мама сразу согласилась, добавила мне сорок рублей, и мы с моим другом Славой Косенковым поехали в город и купили «Смену».

- А что же вдруг такое нахлынуло?

- А вот именно - нахлынуло! У меня всегда так было. Если увлекался - то до страсти. Одно время так увлеклся голубями - устроил голубятню на чердаке сарая. Помню, как-то запустил голубей, они поднялись и растаяли в небе. Я туда-сюда, час проходит, два. Я плачу, а их нет... Только через шесть часов вернулись.

- У Астафьева в «Последнем поклоне» есть щемный рассказ «Фотография, на которой меня нет». Там мальчик лежит в горячке и переживает, что вот в село приехал фотограф, придет в школу, снимать всех будет на карточку... Может, и вас проезжий фотограф зачаровал?

- Проезжий, но не фотограф, а геолог. У нас, в Рождественке, прямо посреди села, геологи поставили буровую вышку и открыли под нашим селом залежи кварцита, огромный пласт. Вот на каком мощном основании я родился! Но тогда меня не этот факт привлекал, а палатки геологов. Крутились мы там с ребятами, и нам кто-то из геологов стал так интересно рассказывать о фотографии, достал несколько фотоаппаратов... Я слушал-слушал, и у меня душа загорелась.

Первый раз мой снимок появился в газете, когда я учился в девятом классе. Маленький снимочек - мальчик играет на скрипке. Ой, радости было! Правда, потом меня вызвали в редакцию и долго ругали - оказывается, я снял двоичника. А еще я ходил в фотокружок Дома пионеров. Там я попал в добрые руки Юрия Сергеевича Нижегородцева. Мы до сих пор с ним дружим.

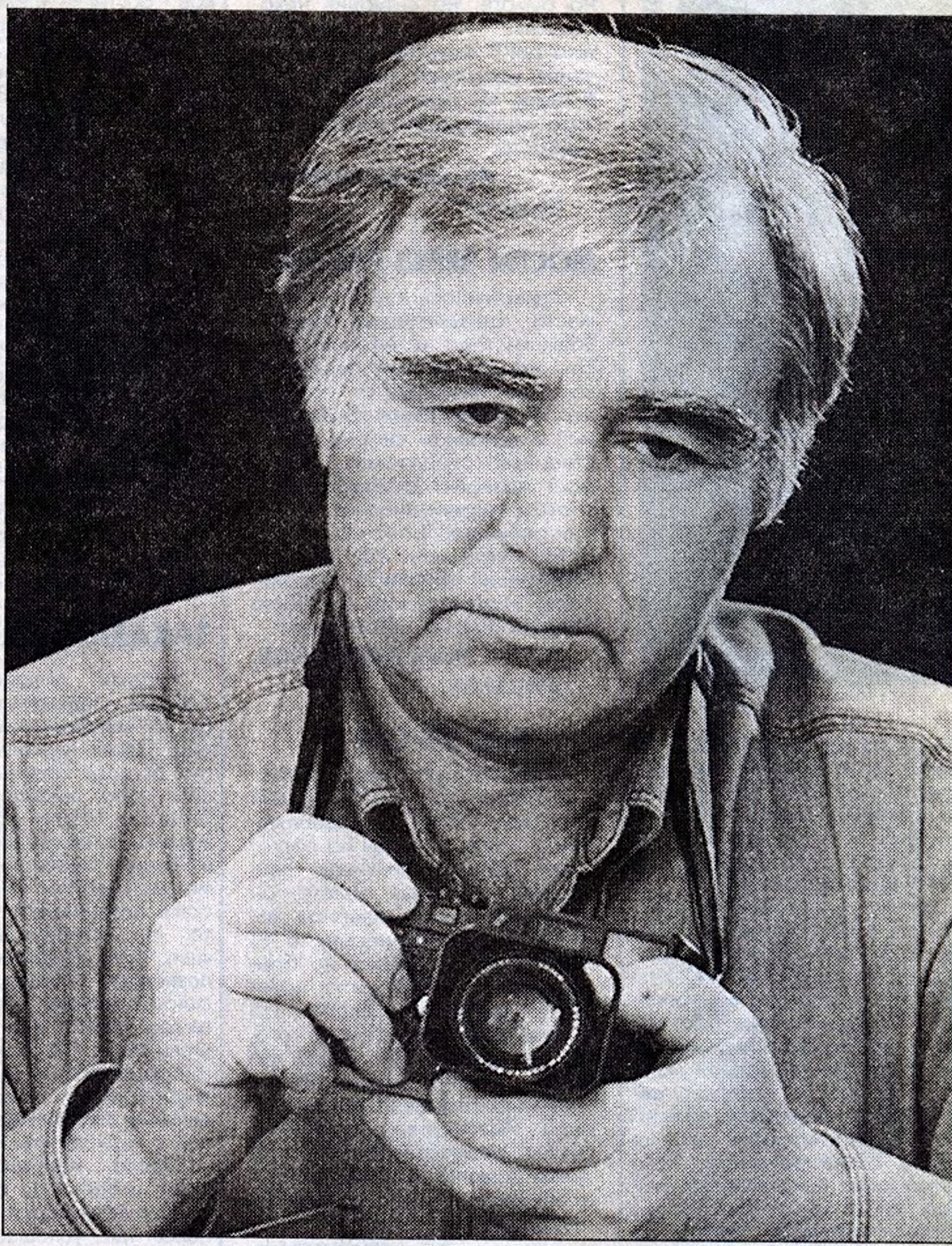
- С этого и начался фотограф Павел Кривцов?

- Пожалуй, начало мое в другом. Вот в том, что было вокруг нас, деревенских мальчишек, - небо, закаты, восходы, роса... Бегаешь босиком... Земля была напичкана железом. В оврагах - брошенное оружие, техника, иногда целые склады. Прохоровское поле, где крупнейшее танковое сражение было, - оно километрах в двадцати пяти от нашего села. Да и Рождественка несколько раз переходила из рук в руки. Мать рассказывала - я-то был совсем маленьким, - как отжидалась она со мной на руках в погребке, а немец открыл крышку и хотел бросить гранату, да что-то его отвлекло, или он сжалился...

И до сих пор детство - неизменная подмога мне. Оно до последнего вздоха - со мной. Никакие книжки по эстетике, искусству, фотографии не заменили мне того, что я понял и переживал в самые ранние годы. Прикосновение к коре дерева, вкус земляники, родниковой воды, хрустящего первого огурца... Это все очень важно. А для чего важно - трудно сказать.

- Для сердца, наверное. «Будьте, как дети...»

- Душа у художника должна быть детской, вы правы. Иначе он ничего не увидит. Взрослые ведь ничего толком не видят. Вот сели после работы за стол, мы

Павел Кривцов. Фото Анатолия Лукьянова.

что - чувствуем первозданность хлеба? Нет, мы жуем механически. Или смотрим на близкого человека - мы разве поражаемся его красоте? Нет, не любуемся. Такая в нас затертость восприятия: живем с пеленой на глазах.

А в детстве каждый миг так переживается. Как-то зимой топить было нечем и мы с мамой пошли бить камыш. Осенью вода разлилась по лугу и замерзла, можно легко подбивать камыш лопатой или граблями. И вот набили мы камыша, связали в снопы уложили на санки. «Ну давай, сынок, перед дорогой немного отдохнем...» Мама присела, а я прилег, откинулся на снопы, и здесь на меня нахлынула такая тишина, покой... И я услышал музыку, такую тонкую! А это шелестели метелки камыша под ветерком, будто переговаривались между собой... Эта музыка подспудно живет в душе, и я всегда чувствую, что мое искусство должно быть, как тот камыш, - некричащим, неброским.

- Поэтому вы остаетесь верны черно-белой фотографии?

- Понимаете, цвет неспособен выразить психологию, он передает внешнее. Кроме того, цвет в цветной фотографии - другой, чем в природе, он искусственно усилен. А черно-белая фотография аскетична, и ей дано со временем из документа перерасти в воспоминание, потом в образ и даже символ.

- Но жизнь повернулась так, что наши домашние альбомы теперь состоят из цветных снимков. А что будет с этими красками лет через двадцать?

- Они выцветут.

- Но почему же в наших старых альбомах многие черно-белые снимки выглядят, как опечатанные вчера?

- Там живые руки все делали, не спеша проявляли, добросовестно фиксировали, заботливо промывали... Иногда показываешь черно-белое фото, и люди говорят: «Как красиво...», и начинают вспоминать что-то родное, далекое.

Теперь цвет манит отовсюду - с экрана, рекламных щитов, с обложек журналов. Поток цвета и глянца давит на нас, и трудно не увлечься. Но сколько за этими соблазнами опасностей! Скажу лишь об одной, очевидной для меня как фотографа. Глаза быстро привыкают к трехмерной цветовой яркости, и человек теряет интерес к реальности. Поэтому у меня и телевизора нет. Он навязывает свое восприятие, замыливает глаза. Все вокруг начинает казаться скучным, пресным.

- Быть может, отсюда и безудержная страсть к экзотике, всяческому экстриму?

- Да, человек перестает волновать держанные полтона нашей природы. Он незаметно отвыкает от родины. Так, насмотревшись на фотомоделей в журналах, ему уже трудно разглядеть тихую красоту в лице жены. Ведь на обложках все эти красотки - как клонированные, их лица выглажены на компьютере, они без родинок, без морщинок...

- И наши девочки, обмирая от этого блеска, кажутся себе дурнушками...

- А они просто живые, настоящие. И самые красивые! Ребенок - это же росток, его надо укрывать, холить, беречь как зеницу ока. А у нас в эти ростки летят кирпичи и палки, мусор всякий... Наш человек очень открыт ко всему миру, ему хочется все попробовать, испытать, проверить...

- Как получилось, что вы одним из первых российских фотографов стали снимать в церковных обителях? Для таких съемок, очевидно, мало простой деликатности. Надо пройти какой-то путь...

- В 1990 году мне, как фотокорреспонденту, посчастливилось стать очевидцем интронизации Патриарха Алексия II. Она проходила в Богоявленском соборе. Я попал в толпу верующих, и приходило снимать, встав на цыпочки. Приходилось снимать, что меня задавят. Я выбрался из храма на двор мокрый и совершенно обессиленный. Очухиваюсь понемногу, поднимаю глаза - передо мной, облокотившись на

посох, стоит и смотрит на меня удивительный старец. Лицо - чудо какое-то... Я, не раздумывая, схватился за камеру и сфотографировал. Старец, не меняя положения, спрашивает: «А что - и фотография будет?» Я киваю: «Будет, владыка...», и еще раз щелкаю. «А вы откуда?» - он спрашивает. «Из «Огонька». - «О, это интересно!» Он расспрашивает, а я робею, смущаюсь. У меня же не было опыта общения с такими людьми. Он говорит: «Слушай, поедем ко мне в гости». Я стал отнекиваться, но владыка был такой внимательный, он сразу окутал меня любовью. «Приезжай, - говорит, - Павлушенька, приезжай. Приедешь - найдешь меня в храме...» Вскоре я приехал в Брест, прожил рядом с батюшкой десять дней, и столько мне открылось! Я вернулся в Москву другим человеком.

- Листая ваш альбом, невольно вспоминается исконно русское название фотографии - светопись.

- И «фотография», и «светопись» - очень древние понятия с глубокими духовными корнями. В «Добротолубии» есть ссылка на беседы старца Феофана Синайского, который говорил ученикам: «Будем всяким хранением блюсти сердце свое от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу». Причем переводчик этого текста - святой Феофан Затворник обратил внимание, что в греческом подлиннике стоит именно слово «фотографироваться». И когда это было сказано Феофаном Синайским - в начале IX века!

- На ваших снимках духоносной любовью светятся лица старца Николая Гурьянова, епископа Константина, архимандрита Авеля, иеромонаха Серафима... И так же светлы лица ветеранов войны из архангельского села Койнас, шахтера из Губкина, старого барабанщика из Борисовки, учителя истории из Обояни Дмитрия Никитовича Пронина...

- В курском городке Обояни мы были тогда с коллегой по другому поводу, готовили материал о следопытах, а Дмитрий Никитович к нам приставили как краеведа. Я когда увидел его, у меня сразу загорелась душа. Я спросил: «Можно я еще к вам приеду?» И приехал потом специально, чтобы сделать фотоочерк для «Советской России», где я тогда работал. С детства большой полиомиелитом, Дмитрий Никитович всю свою немощь абсолютно переказывал духовной красотой, любовью к детям.

- У вас есть серия снимков, где, кажется, и воздух светится счастьем. Это про солдата, вернувшегося из Афганистана...

- С сержантом Сашей Щербаковым мы познакомились в Ташкенте и ехали с ним до самого села его родного - Чернушки, есть такое в Волгоградской области. Машину остановили на краю села, я говорю: «Пошли дальше пешком...» И вот идем, а со двора вылетают все - сначала жена, потом мать, потом дети, отец, который был на огороде и выбежал оттуда, держа две свеклы за хвостики...

- Помнится, когда эти снимки вышли в газете, моя бабушка плакала над ними. Плакала от счастья за далеких ей, незнакомых людей, вдруг ставших родными.

- А мне-то они какие родные...

- Трудно, наверное, уезжать от таких людей, расставаться...

- Конечно... Я же пропускаю через сердце их судьбы, забываю на какое-то время о себе. Это очень важно - забыть о себе. Только тогда делаешься открытым к жизни... Когда я снимаю, то не думаю о выдержке или диафрагме. Я растворяюсь в событии - в счастье, любви или горе... Почему-то считается, что фото - это техническая вещь. А это подарок от Господа - возможность запечатлеть светом.

Дмитрий ШЕВАРОВ.

P.S. Фотографии Павла Кривцова вы увидите в следующем номере «ДВ».